

1

ПУСТЬ ПЯШУТ КОСТРЫ ДО САМОЙ ЗАРИ

У Василисы был только один шанс. Нанести удар быстро и не выдать себя. С нечистью нельзя иначе. Либо ты их, либо они тебя.

Колосья пшеницы забеспокоились, пропуская меж стеблей тусклый зелёный отсвет. Неподалёку от места, где пряталась Василиса. Зелёный огонёк мигнул и поплыл точно в сторону чародейки. Вслед за ним, будто по команде, начали зажигаться другие огоньки. Всё больше и больше. Вот уже их тревожное сияние охватило всё поле. Василиса приготовилась. На кончиках пальцев заплясали искры, но она сжала кулаки, и искры потухли. Не выдавать себя.

Василиса задержала дыхание.

Огонёк подплыл ближе и замер. Василиса услышала приглушённое рычание и сдавленный писк полёвки.

Пора! Чародейка выбросила вперёд руку.

— Замри! — парализующее заклинание сорвалось с пальцев и попало точно в цель.

Зелёный огонёк дёрнулся и потух. Остальные огоньки заметались по полю и тоже принялись гаснуть один за другим.

Василиса улыбнулась, поднимаясь на ноги.

— Бегите-бегите!

Она подошла к своей добыче. Парализованный анчутка¹ лежал на земле рядом с растерзанной мышью. Жирненький, с два кулака. Зелёная шерсть была заляпана кровью и грязью, маленькие чёрные глазки смотрели злобно, острые ушки прижались к лысой серой голове, а огромный зубастый рот перекосило в оскале.

6 — Вы чего поля разорять повадились? — строго спросила Василиса. — Думаете, раз у нас полевика своего нет, так можно баловаться?

Анчутка задёргал когтистыми лапками, похожими на крысиные, — заклинание начало ослабевать.

— Порву тебя на куски, ведьма поганая! Это мы Хозяина поля разорвали и сожрали! И тебя разорвём и сожрём!

¹ Анчутка — маленький вредный бес размером с котёнка. Обитают анчутки на болотах и в лесных чащах. Питаются бесенята падалью и мелкой живностью, редко сбиваются в стаи. Людей анчутки избегают, но речь людскую понимают и любят при случае сквернословить. Отличаются особой трусостью и скудоумием. — Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства. (*Здесь и далее прим. автора.*)

Василиса вздохнула и присела на корточки рядом с анчуткой.

— Правда, что ли? Вы полевика нашего сожрали? Сидели бы в лесу себе дальше, зачем пшеницу пришли портить?

— Сдохни-сдохни-сдохни! — орал анчутка, трясясь от ярости. — Я всех вас убью!

— Нет, дружок. Ты вернёшься в лес. — Василиса взяла анчутку за шкурку и подняла на уровень глаз. Бесёнок поджал лапки, будто котёнок. — И пока к нам новый полевик не пришёл, убивать тут буду я. И преимущественно вас, если снова вернётесь. Ясно?

Говорить она старалась грозно, глядя бесёнку в чёрные, широко распахнутые глазёнки. Анчутки хоть были твари наглые и крикливые, но до жути впечатлительные и трусливые.

— Ещё раз вас тут увижу, сожгу к чубасей¹ матери. — Василиса зажгла на кончиках пальцев пламя и поднесла его к зелёной сморщенной, как у летучей мыши, мордочке. Бесёнок завизжал. — Всё ясно?

— Ясно-ясно, гадюка уродская! Всё ясно! Пусти, больная!

— Вот и славненько, — улыбнулась Василиса и бросила анчутку на землю. — Беги.

¹ Чубась — домовый дух-вредитель. Эти маленькие существа, похожие на крыс, селятся в домах, которые покинули духи-защитники. Обитают в погребе и по ночам устраивают мелкие пакости: бьют посуду, прогрызают мешки с зерном, тушат огонь в очаге, кусают за пятки спящих. Страшно боятся котов и солнечного света. — Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.

Заклинание спало, и бесёнок тут же дал дёру. Василиса отряхнула руки. Некоторое время нечисти в полях можно не опасаться.

Утро выдалось ясное, на редкость прохладное, но обещающее привести за собой жаркий солнечный день. Пташки приветствовали солнце дивными переливами тоненьких голосков. В траве шуршали мыши, вдалеке мычали коровы и глухо лаяли псы пастухов.

Василиса лежала на стого свежего, ещё влажного сена и наблюдала за облаками. Потянулась, наслаждаясь приятным напряжением в мышцах, и закрыла глаза. В животе урчало от голода, но Василиса не спешила покидать своё убежище. Она размышляла о ночной охоте. Неужели и правда анчутки прикончили полевика? Хозяйна поля она видела всего пару раз. Дух — маленький лохматый старичок размером с кошку — уже сорок лет следил за посевами и урожаями, отгонял крыс и других вредителей, но не любил показываться людям. А потом просто исчез. Зато нагрянули полчища анчуток. Эти бесенята редко покидали леса и болота. Что вдруг заставило их уйти из насиженных мест и покунуться на полевика и посевы, оставалось неясным.

«Возможно, получится найти ответ в одной из книг Беремира, — подумала Василиса, зевнув. — Но сначала вздремну».

Вилы просвистели и жадно вгрызлись в сено в опасной близости от головы Василисы. Только вот в сено ли? Чародейка была уверена, что

целилось это универсальное оружие против всех видов нечисти напрямик в её левый глаз, а то и сразу в оба.

С диким утробным воплем Василиса выпала из стога. Страх тут же сменился злостью и желанием покарать несостоявшегося убийцу.

— Ты куда вилкой своей тычешь, душегуб?!

«Душегубом» оказался Миколка — огромный бородатый мужик суровой наружности, но, впрочем, весьма доброго нрава. Поговаривали, что к пиву он пристрастился ещё с младенчества, отчего не вышел умом, но вымахал до богатырских размеров.

Миколка отступил, прижимая драгоценные вилы к груди. Мутные глазки испуганно глядели на Василису.

— Василиса? Васька, ты, что ли? — выдавил он.

— Ты меня убить вздумал? — проворчала чародейка, отряхиваясь от приставшего сена и вытаскивая колкие травинки из тёмных кос.

Миколка виновато топтался на месте и неловко улыбался.

— Да я ж это... Не знал, — пожал плечами он, почёсывая жёсткую каштановую бороду. — А ты чегой-то по стогам спозаранку ховаешься?

— Тебя жду! Чтобы в жабу превратить, а то в пруду запевалы не хватает.

Миколка почесал волосатой лапицей в затылке, видимо, сосредоточенно обдумывая предложение получения важной роли в местном водоёме.

— Не надо меня в жабу, — в итоге серьёзно изрёк он.

— Ладно, уговорил, не буду, — отмахнулась Василиса.

На окраине поля появился большой сивый пёс, издалека походивший на упитанного волка. Василиса вздохнула — конвой прибыл.

Не удосужившись попрощаться с Миколкой, чародейка поплелась навстречу псу.

— Васька! — крикнул Миколка вдогонку. — Сегодня ж гуляния начинаются у девок. Ты придёшь?

— Если дел поважнее не будет! — ответила Василиса и хмуро обратилась к псу: — Ну, Вой, чего пришёл?

Вой возвёл на неё карие глаза, смотрящие с откровенной укоризной, нравоучительно промолчал и отправился вниз по дороге.

— Ну да, я опять сбежала! В конце концов, имею я право на личную жизнь?

10 Василиса шла следом и пыталась придать себе как можно более виноватый вид. Пёс снова не удостоил её ответом, только слабо вильнул опущенным хвостом.

Деревенька Лютоборы, расположенная в Тригорской долине, что на самом краю Дарнецкого княжества, уже давно проснулась. Стоял конец лета — время сбора урожая, так что народ трудился на полях и в огородах. Детишки гоняли по улицам кур и гусей, а порой куры и гуси мчались за обнаглевшими мальцами. Деревянные домики смотрели на улицы разноцветными наличниками из-за низеньких плетней. А каждое утро ветер приносил в Лютоборы свежий воздух с рек, запахи трав с соседнего поля или просто гонял меж домов дорожную пыль.

Деревня, окружённая тремя горами — отсюда и название долины, в которой она располо-

жилась, — уместилась в устье двух рек, посреди огромного дремучего леса. Василиса ещё не забыла, как семь лет назад впервые приехала в долину. Тринадцатилетняя девчонка, сбежавшая из дома в поисках лучшей жизни. Она долго плутала по окрестным лесам, пока не встретила добродушную тригорскую знахарку. Та вызвалась проводить чародейку до деревни, по дороге заболтав до такой степени, что Василисе захотелось снова затеряться в чаще.

Под конвоем пса чародейка дошла до потемневшего от времени домика на самой окраине деревни. Маленький сруб с соломенной крышей заметно косил, обещая в один прекрасный день завалиться на правый бок. Левое крыло крыши зеленело сорняками, а по осени на нём даже росли грибы-дождевики. По одному взгляду на избушку становилось понятно: домовый отлынивает от дел.

II

Вой лёг у крыльца и устало положил голову на лапы. Василиса легонько потрепала пса по голове и проскользнула в дом.

Внутри было тихо. Беремир дремал в кресле у печи. Очки в костяной оправе сползли набок и грозили свалиться на пол.

«И этот спит!» — подумала Василиса и хитро улыбнулась.

Намереваясь хорошенько пошуметь, она направила взгляд на чугунные горшки, аккуратно расставленные на полке, и тут её заметил домовый Тирг — чёрный вредный кот с порванным ухом и плешивым боком.

— Яви-и-илась! — возопил Тирг, вскакивая на задних лапах.

Наставник подпрыгнул в кресле, разбуженный кошачьим воплем. А Василиса запустила в домового раскалёнными добела искрами. Стена позади него тут же покрылась копотью, а Тирг поспешил спрятаться за печкой. Запах палёной шерсти подсказывал, что хвост коту уберечь не удалось.

— Василиса-Василиса, — укоризненно покачал головой Беремир, плохо скрывая улыбку. — Достойные чародейки не гоняют домовых и уж тем более не портят стены в домах своих учителей.

12 Василиса опустила глаза и начала шаркать ножкой, всем своим видом показывая, как ей ужасно, ну просто смертельно стыдно. Впрочем, заметно переигрывая. Наставник тяжело вздохнул. А Василиса исподлобья покосилась на него: вроде бы не сердится. Наверное, опять думал о том, какая нерадивая ему досталась ученица.

— Ну и где ты всю ночь пропадала? — поинтересовался Беремир.

Василиса знала, что Вой давно сдал её со всеми потрохами. Наставник любил посмотреть на мир глазами своего верного пса.

«Гадкий пёс, ни одной кости у меня больше не получит», — зло подумала Василиса и не моргнув глазом доложила:

— На сеновале.

Наставник поднял на чародейку живые голубые глаза и сложил руки домиком. Точно так же — со смесью любопытства и недовольства — он смотрел на Василису в день, когда она внезапно объявилась у него на пороге и потребовала взять себя в ученицы.

— И чем, позволь поинтересоваться, ты там занималась?

— Анчуток ловила, — честно ответила Василиса. — Миколка жаловался, что они у него пше-ницу портят. Они ещё и полевика...

— А меня предупредить? — развёл руками Беремир. — Ну, вот что мне с тобой делать? Нормальные девицы в её возрасте по ночам на сеновал целоваться бегают, а она то несчастных бесов гоняет, то по лесу шастает вурдалаков выслеживает, то бедных русалок из пруда на дубы перетаскивает. Семь лет уже прошло, а ума не прибавилось.

Василиса печально вздохнула: что ж поделаешь — не прибавилось...

Из-за печки выглянула хитрая морда домового.

— И меня, хозяин, ни за что ни про что обижает, — взвыл он и тут же юркнул обратно, атакованный очередным снопом искр.

13

Наставник обратил на ученицу долгий тяжёлый взгляд внезапно потускневших глаз. Василисе стало не по себе. Так порой смотрел старый Вой, а домовый вздыхал и без особых сожалений говорил, что недолго псу осталось. Но не успела Василиса толком испугаться этого взгляда, как Беремир улыбнулся, поднялся с кресла и подошёл к книжному шкафу. Василиса настороженно следила за наставником, ожидая обычного наказания, которое следовало за подобными ночными прогулками.

— Наказание, — пробормотал Беремир. Взял с полки книгу, начал медленно перелистывать страницы. — Пожалуй, в наказание мы сегодня займёмся бегом и фехтованием...

Василиса молчала. Не так всё плохо. Во всяком случае, интереснее приготовления зелий или помощи местным, которым обычно требовалось выгнать крыс и тараканов или вылечить похмелье.

— А потом, — Беремир сделал интригующую паузу, — ты отправишься на гуляния в честь начала Осенних Уз.

— Не-ет, — протянула Василиса. — Что мне там делать?

— Будешь помогать Милене и следить за порядком на площади. Через пятнадцать минут жду тебя на заднем дворе, — на этих словах Беремир сунул книгу под мышку и вышел из избы.

14 — Держи удар! — Беремир сделал два выпада двуручным мечом.

Василиса охнула, едва успевая отбить первый и увернуться от второго. Мечник из чародейки был, прямо скажем, так себе. Она не любила ближний бой, предпочитая холодному оружию боевые заклинания, но Беремир не уставал настаивать на том, что хороший Ворон должен владеть обычным оружием не хуже магического.

— Не расслабляйся! Что будешь делать, когда в бою опустеет резерв? Сдашься на милость врагу? — крикнул Беремир, продолжая наступать.

Василиса поморщилась. Начинается: «Сила чародеев не бесконечна... ля-ля-тополя...»

— Сила чародеев не бесконечна! Только глупец будет рассчитывать исключительно на заклинания. — За каждым словом Беремира

следовал мощный удар. Василиса едва успева-
ла отбиваться. — Будь умнее! И проучи такого
глуща!

— Разве не для этого в пару чародею дают во-
ина? Железками махать... — проворчала себе под
нос Василиса, но наставник её услышал.

— Воин — твой партнёр, а не опора. Учись
полагаться на себя!

Учитель не давал Василисе возможности
перейти в наступление, вынуждая защищаться.
Несколько раз он даже сумел достать её — за-
дел правое предплечье и хорошо приложил по
бедру. Будь мечи наточены, Василиса сначала
лишилась бы руки, а потом истекла кровью, по-
прощавшись уже с ногой. Сейчас же ей грозили
пара синяков и горечь обиды. Василиса стисну-
ла зубы: надо что-то делать, иначе она скоро ока-
жется на земле.

15

Вариантов было немного. Можно продол-
жать уворачиваться и надеяться, что наставник
выдохнется, чтобы получить возможность на-
нести хотя бы один удар. Задача не из лёгких.
Пусть Беремир и выглядел как старик, силе
и выносливости его могли позавидовать многие
воины. А уж невыспавшейся Василисе, которую
учитель перед уроком фехтования успел пого-
нять трусцой вокруг огорода, надеяться было
и вовсе не на что. Пот заливал глаза, дыхание
уже давно стало прерывистым, руки дрожали от
усталости.

Но ещё можно было схитрить.

— Никаких чар, Василиса! — прорычал Бере-
мир, безошибочно предугадывая намерения уче-
ницы. — Превращу в козу на неделю!

— Так нечестно! — рявкнула Василиса и из последних сил ринулась в наступление. — У вас преимущество!

— Я порадуюсь, если в жизни тебе будут попадаться только честные противники, — засмеялся Беремир, легко отражая слабые удары чародейки, — которые не заденут твоё самолюбие!

— А-а! — закричала Василиса и кинулась в лобовую. Скорее от безысходности и усталости, чем надеясь пробить защиту Беремира.

Разумеется, удар не прошёл. Чародейка напоролась на меч, а в следующий миг грубая подножка уложила её на лопатки. Земля ударила в спину, вышибая воздух из лёгких, меч отлетел в сторону, и Василиса со стоном потянулась к ушибленному затылку.

16

— Не смей так легко сдаваться! — Беремир, который обычно со смехом встречал неудачи ученицы, сейчас говорил зло и грубо.

Василиса удивлённо смотрела на него с земли, не спеша подниматься.

— Но я устала, — протянула она обиженно.

— Лентяйка! Если хочешь попасть в Гвардию и стать Вороном, то у тебя нет права на усталость! — Беремир швырнул меч на землю. — Ты приехала сюда учиться чародейству, а не дешёвым фокусам!

Василиса ошалело смотрела на наставника. Она ещё ни разу не видела его таким. За все годы учёбы он никогда не повышал на неё голоса. Отпускал саркастичные шуточки, превращал в жабу, козу и хомяка, называл неучью и бездарем, но ни разу не кричал.

Увидев замешательство на лице Василисы, Беремир вздохнул.

— Вольская Гвардия — это не развлечение. Это лучшие чародеи и воины Царства. И место среди них нужно заслужить. Иди в баню, помойся и поспи пару часов. И не смей сбегать с гуляний, пока Милена тебя не отпустит.

Когда Василиса проснулась, солнце уже пряталось за горизонт, выпятив на прощание упитанный красный бок. За окном стрекотали кузнечики. Снизу слышалось потрескивание дров в печи и ворчание Тирга.

Вечно недовольный домовой мог достать кого угодно. За домом он следил в самую последнюю очередь, предпочитая летом валяться на солнышке, а зимой проводить весь день на печи. Любил украдкой слизывать сливки из крынки и воровать колбасу из погреба. В общем, занимался Тирг всем тем, чем занимаются обычные коты, только что вдобавок бубнил, как ворчливый дед, и мышей не ловил, утверждая, что его нежная душа не способна на убийство. Готовил Тирг хорошо, но редко, чаще перекладывая эту обязанность на Василису или Беремира. Наставник не спешил ставить домового на место, отчего-то спуская ему с лап любые шалости и дерзости.

Спрыгнув с постели, Василиса оглядела комнату в поисках обуви. На самом деле это был просто чердак, который Беремир ей выделил за неимением лучшего в их маленькой избушке,

где было всего две комнаты: просторная горница с печью и кабинет Беремира — с кроватью и письменным столом. Но и таким условиям Василиса была рада. Она согласилась бы жить хоть с Воем в конуре за право обучаться у одного из сильнейших боевых чародеев во всём Вольском Царстве. Пусть и у отошедшего от дел.

Беремир много лет служил в Гвардии и входил в четвёрку лучших гвардейцев. Их называли Всадниками. Сильнейшие чародеи, убившие столько нечисти и спасшие столько человеческих жизней, что не сосчитать. Их имена знал каждый в Вольском Царстве: Беремир, Белава, Аргорад и Мира. О них слагали песни и легенды.

18

Всадники возглавили Гвардию, когда им не было и двадцати. Беремир встал во главе Воронов — охотников на нечисть. Мира возглавила Соколов — элиту Гвардии, которая боролась с чернокнижниками¹. Белава руководила целителями — Журавлями. А Аргорад встал у руля всей Гвардии.

Василиса мечтала стать Вороном сколько себя помнила. Нянька Дуня рассказывала ей истории про подвиги гвардейцев, про Великую Войну и страшные Тени. Маленькая Василиса забиралась под тяжёлое пуховое одеяло, а Дуня закатывала рукава вышиванки, обнажая белые

¹ Чернокнижник — чародей или ведьмак, отринувший учение и поклоняющийся Чернобогу. Чернокнижники практикуют тёмные, запрещённые законом чары и умеют подчинять нечисть своей воле. — Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.

полные руки, распускала косу — уже совершенно седую в её двадцать лет — и забиралась следом. Свет свечи падал на её круглое лицо в россыпи веснушек. Василиса прижималась к её тёплому мягкому животу и закрывала глаза, готовая слушать новую историю. Говорила Дуня шёпотом, чтобы не разбудить мать, которая спала в соседней комнате.

— Говорят, у Ворона две жизни. Первая даётся ему с рождением, а вторая — на службе у Морены. Эти птицы могут сослужить добрую службу тем, кто знает, как попросить, или тем, кто нуждается в помощи. Именно такую птицу однажды встретил одинокий юноша — Ворон, служащий в Гвардии.

— Но ведь все Вороны работают в парах, — зашептала Василиса. — Чародей и воин. А этот один? Так не бывает!

— Это был могучий воин, и у него никогда не было напарника. Его боялись и сторонились, потому что он отличался от других. Никто не знал ни его имени, ни прошлого, он пришёл из-за снежных пустынь, нелюдимый и холодный. Его глаза — отблески синих морей Севера — смотрели на мир непроглядной тьмой глубин. Но был в его сердце росток любви, а в руках — острый меч, что побудили его встать на защиту людей от нечисти.

Однажды гнался этот гвардеец за страшным чудищем, решившим уничтожить наш мир ради собственной прихоти. Погубило то чудище столько жизней, что не пересчитать, и никто не мог его ни найти, ни победить. Длилось это так долго, что сама богиня смерти Морена устала от

его злодеяний и отправила к гвардейцу своего ворона — указать верный след. И строго-настро-го запретила помогать чем-то ещё.

Много недель гнались гвардеец и ворон за чудищем, вступали в сражения с нечистойю, помогали страждущим, делили пищу и кров. И так они сроднились и сблизились в этом путешествии, что уже не представляли жизни друг без друга. И вот схлестнулся гвардеец в битве с чудищем. И бились они три дня и три ночи, пока оба не изнемогли от усталости. На исходе третьей ночи отрубил гвардеец голову чудищу своим острым мечом, но и сам пострадал от его острых зубов и упал замертво.

Опечалился тогда ворон и вопреки наказу Морены полетел в её царство к источнику живой воды. И принёс он капли её на своих крыльях, и напоил ими мёртвого друга. И ожил гвардеец, и обнял любимую птицу, которая теперь служила только ему. И с тех пор никто из них не был одинок.

— А Морена? — зашептала Василиса.

— Сперва Морена хотела наказать ворона за своеволие, но, признаться честно, они смогли ненадолго развеять её скуку. А богам порой бывает до смерти скучно в своих чертогах. И Морена сжалилась над гвардейцем и своей птицей и позволила ворону остаться при нём. Вот и сказке конец, а теперь давай засыпай скорей.

И Василиса закрывала глаза и воображала, как сражается с нечистойю, выигрывает битвы и спасает мир от восстания чернокнижников.

А потом ей выпал шанс стать одной из таких бесстрашных чародеев: Беремир взял её в уче-

ницы. Ради этого она сбежала из дома, пересекла половину Вольского Царства и несколько дней обивала порог дома Беремира, ночевала на крыльце и даже подожгла сарай в попытке продемонстрировать свои умения. Сперва Беремир был непреклонен и гнал её прочь, но Василиса не сдавалась, и однажды он сжалился и всё же впустил Василису в дом. Чародейка до сих пор помнила, какая страшная гроза разыгралась в ту ночь.

Характер у наставника был лёгкий: он любил пошутить и посмеяться. Особенно его радовало, когда Василиса оказывалась в выгребной яме или чернела от копоти после очередного неудачного заклинания. Ещё Василиса периодически виртуозно проделывала в крыше дыры, а в попытке улучшить свои умения подпаливала любимый ковёр учителя и его же любимую бороду. Такие проделки веселили Беремира меньше, но даже к ним он умел отнестись с юмором.

Иногда наставник позволял себе выпить и по-вспоминать былые сражения, старых друзей и врагов, а иногда и бывших любовниц. Впрочем, случалось это довольно редко, а в остальное время на расспросы Василисы о его работе в Гвардии Беремир отвечал неохотно и уклончиво.

Натянув свободные льняные штаны и длинную рубаху с вышитыми на рукавах жар-птицами, Василиса подпоясалась, сложила разбросанные по комнате вещи в сундук под небольшим окошком, создавая видимость порядка, и кинула покрывало на деревянную кровать — на случай, если наставнику, не любившему беспорядок, взбрёт в голову заглянуть в её «покои».

Выйти из избы, минуя общую комнату, было нельзя, а Василиса не хотела попадаться Беремиру на глаза, поэтому вылезла в окно, под которым очень удобно росла крепкая зелёная лоза. Её чародейка собственноручно вырастила несколько лет назад. Тогда она ещё не сбегала по ночам в поля и на болота и была усердной ученицей, крушившей всё вокруг себя только в дневное время и под присмотром.

22 Задание тогда ей досталось простое: обуздать стихию земли и вырастить огуречную лозу на одной из грядок с помощью заклинания ускоренного роста. Лозу-то начинающая чародейка вырастила – с неё даже сошли три вяленьких огурчика. Но на этом Василиса не успокоилась. Заинтересовавшись милым ростком, который нерешительно взбирался по стене дома, чародейка решила ему помочь. Заклинание сработало неожиданно мощно: в считанные мгновения стебель обвил всю заднюю часть избышки. Да так крепко, что даже Беремир не смог его вывести. Интересно, что потом, как Василиса ни старалась, подобные трюки с растениями у неё не срабатывали.

Василиса вышла на дорогу, ведущую к площади, и продолжила размышлять о переменчивости своих магических возможностей.

Обычно чародей пользуется резервом магической силы, который позволяет колдовать без вреда для себя. Если резерв опустошается, чародей расходует физическую энергию.

На начальных этапах обучения Василиса, ещё не умевшая различать магическую и физическую энергию, исчерпав резерв, принималась

вытягивать силу из крови и мышц, отчего едва держалась на ногах и буквально засыпала на ходу после колдовских упражнений. Со временем Беремир научил её чувствовать и разграничивать разные виды энергии. Рассказал, что у каждого чародея объём резерва разный и, как правило, постоянный.

У Василисы же с резервом творились странные чудеса. Иногда она могла колдовать часами, сплетая самые невообразимые заклинания и не зная усталости. Энергия не заканчивалась и билась через край, а Василиса чувствовала, что способна сворачивать горы и осушать океаны. Но порой чародейка выдыхалась уже после пары-тройки простеньких заклинаний. Этому ни она сама, ни Беремир не могли найти объяснения.

От размышлений Василису отвлек галдящий народ и громкая музыка — она и не заметила, как дошла до площади. Высокие костры рыжим пляшущим светом разгоняли темноту. Воздух пропах мёдом, дымом и жареным мясом. Музыканты на деревянной, наспех сколоченной сцене мучили гусли, трещотки и барабаны. Жители деревни уже всю веселились: плясали, пели песни и плели венки для будущих невест. Дети играли в салки, молоденькие девушки водили хороводы, юноши пили медовуху и украдкой поглядывали на девиц.

Сегодня они разобьются на пары, принесут друг другу клятвы и прыгнут, держась за руки, через костёр, а потом уединятся где-то от чужих глаз, чтобы познавать тела друг друга так долго, как только хватит сил. Согласно преданию, первая из невест, которая подарит этому миру мла-

денца, станет любимицей богов, а ребёнку будет уготована судьба богатыря или богатырши.

На площади появилась пышная знахарка Майя в длинном сарафане. Увидев Василису, она поправила расшитый цветами платок и расплылась в улыбке. Щёки её украшал здоровый румянец, рукава рубахи были подвёрнуты, обнажая розовые локти, полные предплечья и грубоватые ладони. На правом запястье была повязана красная нить с рунным камнем — защита от глаза.

— Василиса, золотце! Рада, что ты пришла! — воскликнула знахарка, перехватывая поудобнее корзинку с травами и ягодами. Похоже, она собиралась неплохо подзаработать этой ночью. — А ты чего это не веселишься со всеми?

24 Василиса остановилась и неопределённо пожала плечами.

— Опять старик Беремир замучил? — понимающе хохотнула Майя, демонстрируя ряд крупных крепких зубов. — Ну, ты, детка, сама к нему навязалась. Так что ни на кого, кроме себя, не серчай. Оно-то знаешь как бывает...

Василиса не знала и узнавать особого желания не испытывала. К сожалению, это не имело значения, потому что, если уж Майя ловила кого-то в цепкие сети своих речей, улизнуть из них было непросто. Знахарка была из тех одиноких людей, которым нужен слушатель, а не собеседник, так что говорить она могла без умолку, забыв про все дела. Василиса слушала её вполуха, изредка кивала и поддакивала.

— Так будешь сегодня жениха искать? — спросила Майя, кажется, уже не в первый раз.

— Ну, я...

— Знаю-знаю, не любишь ты все эти праздники, — перебила Майя. — Но ты же девушка молодая, красивая, хоть и с норовом. Глянь на себя — невеста! Коса русая, до самого пояса. А румянец на щеках? Сказка! Высокая, статная, кареглазая. И худобой лишней не страдаешь...

Василиса не сумела сдержаться и закатила глаза. Майя упёрла руки в боки и зацокала языком.

— Ты, девка, нос не вороти! — сказала она, впрочем, всё ещё добродушно. — Деревушка у нас немаленькая, да молодцев ещё щенками разбирают. Упустишь свой шанс — плакать будешь! Ты вон уже, считай, в девках засиделась.

То, что Василиса засиделась в девках, в Лютоборах не забывал напомнить каждый маломальски знакомый человек, начиная от Майи и заканчивая старухой Зозо, которой Василиса на прошлой неделе помогала избавиться от банника. Чародейке уже исполнилось двадцать лет, и местные женщины начинали косо поглядывать на Василису, сочувственно качать головами и даже порой посмеиваться. Сама она не обращала на них внимания, предпочитая заниматься гораздо более важными вещами. В конце концов, в Лютоборы Василиса приехала не жениха искать, а учиться магии.

На сцене появилась Милена — староста деревни. В красном праздничном сарафане, полная и статная. Её круглое лицо украшали массивные височные кольца. Она вскинула к небу руки, призывая собравшихся замолчать. В этом году праздник Осенних Уз совпал с пятидесятой годовщиной окончания Великой Войны, и Миле-

на ожидаемо начала свою торжественную речь именно с этого.

– Сегодня особенный день! – заговорила она. – Последний день лета. Начало Осенних Уз. И день торжества всего человечества. Слушайте все! Стар и млад! Это история нашей победы. Мы повторяем её, чтобы не забывать. История, благодаря которой мы можем сегодня пить мёд и гулять ночь напролёт. Без страха!

Милена замолчала и обвела взглядом толпу. Все слушали молча, даже дети прекратили резвиться и затихли, глядя на старосту во все глаза.

– Пятьдесят лет назад чернокнижники развязали войну. Великую Войну. Они хотели власти, задумали свергнуть царя-батюшку и учинить свои порядки на наших землях. Долго готовили они тот заговор. Долго прятались в пещерах и норах, взывая к Чернобогу, собирались в стаи, будто крысы, изучая древнее тёмное колдовство. И вот пробил страшный час. Обрели они силу могучую и отворили врата Нави!

Музыканты ударили в барабаны, прогремели трещотки. По толпе пробежал взволнованный гул. Милена раскинула руки и возвела взгляд к небесам.

– И вырвалась на свободу нечисть страшная! Чудища мерзкие. Прежде бездумные и кровожадные, они стали оружием в руках чернокнижников. Куда указывал перст чернокнижника, туда и кидались нечистые твари. По их прихоти терзали волколаки наших детей, разоряли аспиды наши земли, опустошали вурдалаки наши деревни.

Снова грянули барабаны. Заплакал ребёнок.

— Царская дружина, придворные чародеи и весь Вольский народ восстал против этой напасти. Но не нечисть и не чернокнижники оказались страшнее всего. По умыслу злому али по незнанию выпустили чернокнижники из Нави жутких существ, прозванных Тенями. Не видали мы прежде таких существ, а оказались они страшнее прочих. Днём и ночью Тени не имели силы. Ни увидеть их было, ни услышать, ни почувствовать. Но в предзакатные часы, когда над землёй сгущались сумерки, обретали Тени страшную мощь. Овладевали они телом человеческим и терзали его до последнего вздоха. А как испустит страдалец дух, брались Тени за следующего несчастного. Не было у них ни друзей, ни врагов. Терзали они и чернокнижников, и чародеев, и простой люд. Им — как и собственной тени — невозможно было нанести вреда. Ни одно заклинание, ни одно оружие их не брало. То была погибель людская.

27

И когда уж гибель всего живого была неминуема, появился молодой и сильный чародей Белогор Ратный, что принёс Очищающий Свет. Засиял тот свет в руках его подобно тысяче солнц, и исчезли Тени, будто их и не было!

Милена хлопнула в ладоши, заиграли гусли, и толпа разразилась восторженными криками и аплодисментами.

Василисе история казалась неполной. Не хватало в ней ответов. А вот вопросов было хоть отбавляй: «Что это был за свет?», «Как и где Белогор его раздобыл?», «Как вообще узнал о нём?» — всё это осталось тайной, которую легендарный чародей унёс с собой в могилу.

Тени исчезли, восстание чернокнижников подавили, Белогора приняли в Верховный Совет Чародеев. А через год он основал Вольскую Гвардию — восстание показало, что для защиты человечеству не хватает хороших чародеев и целителей.

— Интересно, как всё-таки Белогор сумел избавиться от Теней? — пробормотала Василиса.

— Может, если бы Белогор не исчез, то рассказал бы нам, — пожалала плечами стоящая рядом Майя.

— Исчез? — удивилась Василиса. — Он же умер!

— Говорят, что Белогор ушёл в Тёмные Леса с двенадцатью учениками. И не вернулся. — Майя заговорщически прищурилась. — Царь отправил за ними дружину — ничего, как в воду канули. Гиблое место. Не зря люди до сих пор сторонятся Тёмных Лесов. Дальше Белого Камня заходить никто не решается.

— Думаешь, он жив? — спросила Василиса с нескрываемым любопытством. — Если так, то он, должно быть, уже старик!

Майя пожалала плечами и поудобнее перехватила корзинку с травами.

— Многие чародеи доживают и до двухсот с лишним лет — правда, большинство из них становятся слабы умом. Вспомни, сколько Беремир баек про Кривого Рэма травил!

Василиса кивнула. Кривой Рэм — любимый персонаж историй Беремира. Двухсотпятидесятилетний чародей, самый старший председатель Совета. Бедняга совсем выжил из ума. Беремир рассказывал, как на одном из праздников урожая Рэм, впад в очередное помрачение рас-

судка, решил приготовить уху из мавки¹, которая вылезла из озера на звуки музыки и неосторожно попыталась его поцеловать. Несчастную едва успели вытащить из котла.

— Уверена, если Белогор и умер, то не тогда и не в том лесу.

— Ты сама сказала, что Тёмные Леса — опасное место, — возразила Василиса. — Там обитают существа пострашнее нашей милой и родной нежити.

— Может быть. Только неужели тот, кто победил Теней, не нашёл бы способа справиться с существами Леса? К тому же... Белогор не просто так туда пошёл, а с какой-то целью, о которой знали только ученики, — а они сгнули вместе с ним.

Тон Майи заставил Василису насторожиться.

— Ты так говоришь, будто не любишь Белогора, — задумчиво протянула она.

Майя пожала плечами:

— Сложно любить или не любить того, кого никогда не знал. Но вот вопрос. Если он действительно был таким добрым, каким его рисуют песни, то почему не раскрыл тайну борьбы с Тенями? Вдруг миру снова придётся встретиться с этими чудовищами? А этот его поход в Тёмные Леса? Никому не сказал, зачем туда идёт, даже жене...

¹ М а в к а — умертвие, разумная утопленница, отринувшая Поля Нави. Отличается серой кожей и чёрной, стылой кровью. Мавки питаются всем, что сумеют поймать, не брезгуя и человечиною. Обитают в реках и озёрах, но могут жить и среди людей. — Казимир Полоз. Духи, умертвия и другая нечисть Вольского царства.

Василиса не очень уверенно кивнула. Слова Майи звучали убедительно, но чародейка не была готова изменить мнение о человеке, о котором весь мир слагал легенды и песни. Белогор был национальным героем, на него равнялись все чародеи и чародейки.

На площадь выбежал Миколка:

– Пожар! Горим!

Василиса обернулась на крик. Нет! Ей, должно быть, показалось...

– Пожар!!! – ещё громче закричал Миколка, привлекая всеобщее внимание. – Скорее!!! Дом Беремира горит!

Люди засуетились, закричали женщины, а Василису будто молнией ударило. Вскрикнув, она кинулась обратно к дому, расталкивая всех на своём пути.

30

– Воды! Несите воды! – кричала Майя, а Василиса неслась по дороге, чувствуя, как взвыли от напряжения мышцы ног.

Она не пробежала ещё и половины пути, когда увидела, что на деревьях впереди пляшут рыжие блики, заставляя тени хаотично метаться и искривляться, словно в приступе истерического хохота.

Нет! Ноги ещё быстрее понесли Василису к избушке.

Дом был объят жадным красным пламенем. Горел. Её дом горел. А за ним один за другим вспыхивали другие. Люди бросались к своим лицам с ведрами наперевес, и пламя, словно изголодавшийся зверь, глотало селян живьём, едва они успевали приблизиться. Мужчины и женщины кричали, роняли ведра и падали замертво,

а пламя вздымалось всё выше и разгоралось всё ярче. Воздух наполнился жаром и едким запахом горячей плоти. Пламя выло и металось, будто живое. Нет, оно и было живое.

Василиса застыла, глядя на это безумие.

«Колдовской огонь».

Живот скрутило, а колени подогнулись от ужаса. Его не остановить, не потушить. Никому не спастись, никому не выбраться. Оно будет бушевать, убивать и жечь дотла, пока не утолит свой страшный голод, пока не поглотит всё, до чего сумеет дотянуться. В ночное небо взметались тысячи искр, затмевая собой звёзды. Чёрный дым поднимался следом и пеплом возвращался на землю.

Из горящего дома выбежала девочка, совсем малышка. Но не успела отойти от крыльца и на пару шагов, как пламя сделало её своей пищей. Сначала вспыхнули её белокурые волосы, и через мгновение уже вся она исчезла в огне.

— Мила! — женщина бросилась к девочке, но Василиса схватила её за руку:

— Нельзя! Пламя...

— Это моя дочь! — Женщина вырвалась и упала на колени рядом с ребёнком. Голыми руками она попыталась потушить тело дочери, но тут же завопила от боли. Её ладони вспыхнули, стали покрываться пузырями и чернеть. Кожа стекала с костей, будто оплавленный воск.

Женщина вскочила на ноги и бросилась к Василисе:

— Спаси!

Василиса спешно сомкнула дрожащие ладони, сплетая заклинание, но огонь в ответ на

чары только плюнул рваными ошмётками ей в лицо и окутал женщину целиком. Она больше не кричала. Превратилась в бесформенный силуэт, лишь отдалённо напоминаявший человека. Василиса закричала, попятилась и упала на землю. Ноги дрожали и отказывались слушаться. Она отчаянно хватала ртом воздух, чувствуя на языке горечь пепла, и потерянно оглядывалась по сторонам. Вокруг бегали люди, тщетно пытаясь потушить полыхающие дома.

«Где же Беремир? Почему он не спасает деревню? — Василиса оцепенело посмотрела на пламя, объявшее её дом, в надежде, что вот-вот из него выйдет Беремир. Выйдет, потушит огонь и всех спасёт. Он же сильнейший чародей Вольского Царства. — Неужели он?..»

32

У Василисы перехватило дыхание, грудь сдавило. Она вскочила на ноги и бросилась к дому. Наспех сплела сферический щит и вошла в горящую избу.

В лицо дохнуло жаром, от дыма защипало глаза. Щит защищал от пламени, но не от едкого дыма.

Огонь был повсюду. Чародейка плевалась и кашляла, проходя всё глубже внутрь дома, звала наставника, но не слышала ответа. И не могла услышать.

Сначала появился запах. Солоновато-железный запах свежей крови, яркий и отчётливый, почти перебивающий вонь горящего дерева. Василиса уставилась на тёмную лужу под ногами, боясь поднять взгляд. В ушах стояли вой пламени и крики. Сердце подкатывало к горлу, а Василиса всё никак не могла заставить себя посмотреть.

«Он не мог...»

Затрещала крыша, угрожая рухнуть и похоронить под собой чародейку. Этот звук заставил Василису прийти в себя и посмотреть.

В кресле у печи полулежал Беремир. Его остекленевшие глаза были широко раскрыты, а горло вспорото от уха до уха. Кровь. Сколько же было крови. На одежде, на кресле, на полу. Даже на белой печи багровел размашистый росчерк. Василиса захлебнулась собственным криком, набрав полные лёгкие дыма, и зашлась болезненным кашлем.

— Вася, — слышался слабенький голосок из-за печки. — Вася, это ты?

— Тирг?! — сипло откликнулась Василиса. Голова кружилась, а кашель не останавливался. Лёгкие сдавливали новые и новые спазмы. — Ты где, Тирг? Надо выбираться...

33

Василиса осторожно заглянула за печь и каким-то чудом выудила оттуда маленький чёрный комочек. Щит ослаб, и руки обожгло. Тирг вцепился когтями в Василису. Его тельце с каждым мгновением становилось всё более зыбким. Домовой умирал вместе со своим домом. Василиса знала, что не сможет его спасти, что он обречён, но всё равно не отпускала, ощущая под пальцами, как быстро-быстро вздымалась и опускалась его грудка.

— Сейчас. — Она ещё крепче прижала Тирга к груди. — Сейчас... Мы выйдем...

Пламя с жутким воем пожирало крышу. Над головой затрещала балка и с грохотом обрушилась где-то позади, заставив Василису в испуге отшатнуться. Ударившись боком о затерянную

в дыму стену, она почувствовала, как пламя лизнуло щёку. Дышать Василиса больше не могла, лёгкие отказывались работать, замирая в груди нестерпимой резкой болью. Кашляя, Василиса огляделась по сторонам в поисках выхода — но уже ничего не видела. Сделав несколько отчаянных шагов наугад, она упала, заходясь кашлем.

— Вот леший, — выдавила чародейка, наверное, самые нелепые последние слова и провалилась во тьму.

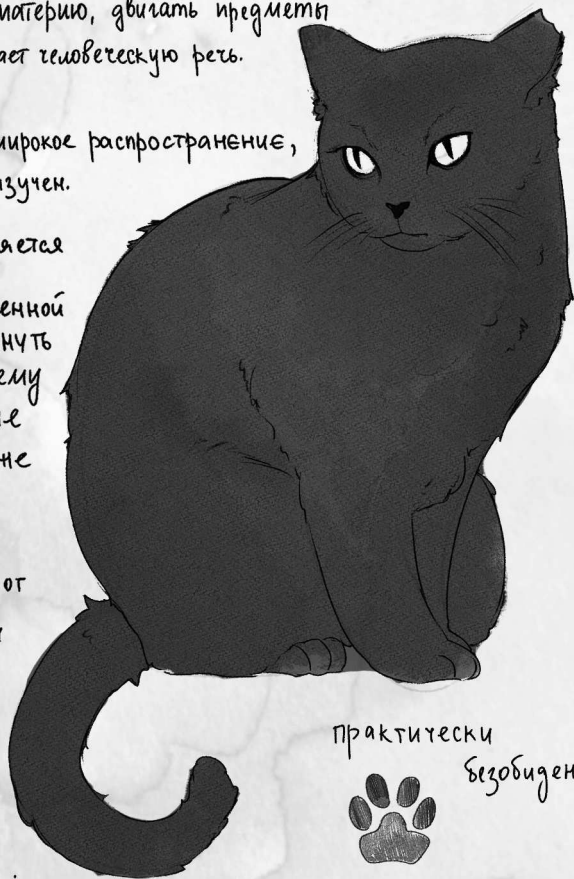
Домовой

Разумный дух в облике кота. Присматривает за домом и является его неотделимой частью.

Сила домового зависит от сил хозяина дома. Способен преобразовывать материю, двигать предметы силой мысли, знает человеческую речь.

Несмотря на широкое распространение, вид почти не изучен.

Домовой появляется и исчезает в доме по собственной воле и может покинуть жилище, если ему что-то в нём не нравится. Если же домовый всем доволен, будет охранять дом от мелкой нечести и неудач.

Практически безобиден!

Тирг :

2

ТЕНИ МИНУВШИХ ДНЕЙ

Он пришёл в этот мир с болью и отчаянием. Он не знал, кто он, не помнил ни имени, ни прошлого. Только где-то глубоко внутри, на границе между сознанием и забвением, теплилось едва различимое, будто бы отдалённо знакомое «я».

Первое, что он услышал, — собственное дыхание. Хриплое, тяжёлое.

Он открыл глаза и осознал себя в комнате. По крайней мере, он подумал, что это была комната. Потолок, красные отблески света, тёмные дрожащие тени. Он будто бы уже бывал здесь когда-то давным-давно.

На его лоб легла чья-то ладонь. Сухая, словно осенний лист.

— Всё хорошо, мой мальчик, — незнакомый голос, должно быть, принадлежал старику. — Всё хорошо. Я здесь.

— К чему всё это? — Другой голос, женский. — Ты же знаешь, что он долго не протянет.

— На этот раз всё иначе!

Ответа не последовало.

А он продолжал лежать безмолвно, потому что, кажется, не знал слов. Не знал или забыл? Он не мог ответить на этот вопрос.

Тени на потолке напоминали ему о туманных сновидениях. Но видел ли он их? И откуда ему вообще известно, что такое сны?

— Ты меня слышишь? — снова этот старый голос. — Узнаёшь?

Он повернул голову — это правда был старик. Высокий, с глазами чернее самых глубоких теней.

— Мальчик мой... — пробормотал старик.

— Я... — сорвалось с его губ. В памяти начали всплывать картины.

Деревянный дом, солнце, лужайка, усеянная жёлтой россыпью одуванчиков, кот, уснувший на заборе. Что это? Сны? Или воспоминания?

А эти чёрные глаза? Он снова заглянул в них. Разве они всегда были такими?

— Ничего, тебе скоро станет лучше. — Руки старика приподняли ему голову, губ коснулась глиняная чаша, в горло хлынуло горькое варево.

Боль немного отступила, видения стали чётче. Просторные сени, валенки в снегу, запах маминых пирогов, жар печи. «Лучезар, обед!» — кричит женщина, и он бежит ей навстречу.

Старик протёр ему лицо влажной тряпкой. Он ещё раз взглянул в тёмные глаза.

— Папа?

